

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТИНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Р. М. Нигоматуллина¹, З. З. Ибрагимова¹, В. А. Есенгалиева²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

²Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск (Казахстан)

Введение. В современном мире массовых коммуникаций и сложных социальных взаимодействий для каждого человека остро встает вопрос оснований для принятия им решений. Что принять за истину, которой следует руководствоваться в этом процессе? Очевидно, что понятие истины связано с теоретической и практической интерпретацией рационализма и рациональности.

Методы. В статье использован историко-философский подход, который позволяет проанализировать развитие проблемы связи истины и рациональности в работах представителей Франкфуртской школы, а также Ф.Ницше и М.Фуко. Кроме того, для выявления особенностей современного процесса принятия решений применен коммуникативный подход, который является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Целью данной статьи является обоснование тезиса о множественности концепций рациональности и выявление того факта, что каждое переопределение рациональности в той или иной практике принятия решений имеет следствием новый поиск места истины в данных процессах. В статье определены различия в инструментальной и сущностной, универсальной и контекстной рациональности, показано противоречие между властной и ценностной рациональностью.

Заключение. В ходе исследования было выявлено, что основными тенденциями изменения дискурса рациональности является противоречие между инструментальной и сущностной рациональностью, ценностными и властными коммуникациями, универсальной и контекстной рациональностью. Эти подходы представлены работами Ю. Хабермаса и его коллегами по Франкфуртской школе и исследованиями М.Фуко. Показано, что современное понимание истины носит коммуникативный характер.

Ключевые слова. Рационализм, рациональность, истина, принятие решений, Ю.Хабермас, М.Фуко, М.Вебер.

Введение. Необходимость в общественном диалоге является генеральной стратегией любого современного социума, объективно встроенного в цивилизационный путь развития. Исторически эта тема была востребована и развивалась на почве западного социального и политического опыта. Действительно, рационализм, рациональность в освоении миром были сформулированы в западной культуре, что приобрело в истории социальных наук некий вид нормативности.

Однако представление о рационализме и рациональности в современном миропонимании достигло большого разнообразия и сложности, даже в рамках западной культуры. Тем не менее, проблема истины всегда оказывается принципом и исходным пунктом научного критического анализа социальной реальности. В отношении к истине проявляется соответствующий вид и тип рациональности, опосредующий всякий процесс принятия решения как в управленческих коммуникациях, так и в любых других социальных взаимодействиях.

Цель данной статьи показать, что каждое переопределение рациональности той или иной практики принятия решений имеет следствием новый поиск места истины в данных процессах.

Методы. В статье использован историко-философский подход, который позволяет проанализировать развитие проблемы связи истины и рациональности в работах представителей Франкфуртской школы, а также Ф.Ницше и М.Фуко. Кроме того, для выявления особенностей современного процесса принятия решений применен коммуникативный подход, который является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания.

Основная часть. Речь идет преимущественно о западных концепциях, хотя если рассуждать о нормативном характере любой культуры, то, естественно, что современная западная культура представляет собой один из возможных типов, функционирующих в культурном космосе и привлекающих нас. Это тот самый случай, когда мы, формируя и выражая свою идентичность, не можем не признать наличие универсальной традиции описания мира, которая представляет определенный горизонт осознанного отношения к миру. Конечно, можно сколь угодно долго и успешно рассуждать о том, что западный вариант рациональности имел определенную географическую локацию, что все остальные формы имели иной специфический характер. Но «любая культура, если она вообще достигает определенной степени «осознанности» или

«сублимации», должна разделять определенные формальные свойства современного миропонимания. [1]

В рамках всех периодов развития Франкфуртской школы философии как осуществления критической теории общества исследовались разные феномены, но немаловажен аспект рациональности, претерпевший значительные изменения со времен М. Вебера. М. Вебер понимает рациональность прежде всего как формальную и практическую, и рационализации могут подвергаться все сферы жизни. Так Ю. Хабермас отмечает, что «рационализацией Вебер называет любое расширение эмпирического знания, способность к прогнозированию, инструментальное и организационное управление эмпирическими процессами» [1, с. 45].

История знает многие примеры рационализации в разных областях, в том числе и древних культурах. Так, М. Вебер пишет: «Существует, например “рационализация” мистического созерцания (то есть такого отношения к жизни, которое с иных точек зрения представляется специфически “иррациональным”), но также и рационализация хозяйства, техники, научного исследования, воспитания, войны, права и управления» [2, с. 55]

Таким образом, источниками истинности как рационально оформленного знания могут оказаться в принципе любые сферы познания и деятельности. Выделим основные направления рационализации процессов принятия решений в этих сферах, отраженных в концепциях представителей Франкфуртской школы, а также в теории коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса.

Первая тенденция эволюции критериев опознавания истинности знания, отмеченная представителями Франкфуртской школы, связана с инструментализацией разумной деятельности. Т. Адорно и М. Хоркхаймер критиковали современное понимание разума, который стал интерпретироваться как последовательность действий, как реализация целей, абсолютно равных, без приоритета. «Справедливость, равенство, терпимость, – все эти понятия, которые... были присущи разуму в предшествующие столетия или были им санкционированы... теперь равны между собой, утратили свои духовные корни»[3, с. 101] В этом смысле М. Хоркхаймер опасается того, что разум становится инструментом, подобно многим другим. Примечательно, что роль языка, по мнению М.Хоркхаймера, меняется вслед за преобразованием рациональности. Сначала он очищается от мифологического способа смыслообразования - «Рационализм вообще опасается, что слово сохранит «мифологический остаток». Но по мере преобразования рациональности в сторону инструментальности «Язык мстит, возвращаясь на магическую ступень». Так же, как и в магические времена, слово считают опасной силой, могущей разрушить общество, поэтому пытаются заставить говорящего «отвечать» за него [3]

Второе направление изменения представления об истинности отражает интерес науки к роли идентичности и самоопределения субъекта в формировании дискурса Истины. Проблема идентичности обозначилась с наступлением эпохи Модерна. Человек, в ходе социализации приобрел много ролей (в отличие от предшествующего этапа истории). Но проблема самоопределения существует как актуальная смысловая ситуация, заставляя индивидов решать все насущные задачи через призму идентичности. «Как утверждал Иммануил Кант, все мы — каждый из нас — наделены разумом, мощным инструментом, позволяющим нам сравнивать существующие возможности и делать собственный индивидуальный выбор, но если мы пользуемся этим инструментом адекватно, то все придём к одним и тем же выводам и примем единый кодекс совместного проживания, подсказываемый нам разумом как наиболее верный» [4]

Еще одна особенность социальных практик выведения истины касается роли экспертного знания в коммуникациях, предметом которых является принятие решения. Современное общество видоизменило область экспертного знания. В эпоху Модерна таковым можно было назвать прежде всего научно-теоретическое, интеллектуальное знание. Сегодня публичное пространство приобрело характер медийного, поэтому объем понятия интеллектуал чрезвычайно расширен.

Существование социальных сетей делает практически доступной возможность примерить каждому желающему «одежды» оракула. Смысл оракула как субъекта, обладающего истиной и служащего медиумом, не ограничивался функцией трансляции знания. Таким образом, субъектность понималась предельно широко: это и собственно жрец, и место, в котором звучит истина и сама искомая истина. И, хотя, современный интеллектуал уже лишен атрибутов сакральности, присущей языческому оракулу, тем не менее, интенсивность ожиданий ответа на социальные вызовы вовсе не канула в лету. Это такой механизм признания, в котором его важнейшей первой основой является не субъективная потребность личности, а объективная необходимость выработки стратегии. Несомненно, то, что в современном формате выработки

экспертной оценки в социальных практиках принятия решения важной (но не единственной) целью является поиск адекватного знания, т.е. истины. Эта истина важна не только для актуального практического применения, но и как базис для прогностических моделей социальных процессов.

Потребность в артикуляции значимых идей, основанных на фактах и на объективном осмыслении, нацеленного на безоговорочную истину, делает позицию интеллектуала категоричной (ясной) в смысле ее интенции к истине. Ю. Хабермас, рассуждая о печально низком уровне дискуссий в обществе, обращается к фигуре интеллектуала. Он обращается к работе М. Адлера "Загадка общества", вышедшей в 1936 году и заключает: « что наше знание о мире конституируются социально, что социальные жизненные структуры выстраиваются из актов знания. Тогда получается, что само общество основано на реальности тех притязаний на значимость, которые мы выдвигаем посредством наших коммуникативных высказываний. Таким образом, Адлер, подобно позднему Гуссерлю, утверждает, что общество имманентно связано с истинностью высказываний и правильностью норм [5]

Ю.Хабермас показывает, что теория и практика «коммуникативной рациональности» также построена на непосредственном отношении к истинности, которая одновременно обуславливает успешную коммуникацию и проявляется через рациональную коммуникацию.

Под «коммуникативным действием» Ю. Хабермас, представитель третьей волны Франкфуртской школы понимает «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования социообразования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий» [6, с. 11]

Ю. Хабермас в отличие от М. Хоркхаймера, диаметрально противоположно оценивает ресурс языка, который может и должен сыграть роль социобразующего и социосохраняющего способа: «язык является посредником такого рода процесса взаимопонимания» [6, с. 23]

Коммуникативный подход является концептуальным ресурсом, позволяющим соединить два уровня определения истинности как условия принятия решения: онтологический уровень взаимодействия человека и общества и коммуникативный уровень производства знания.

Для примера рассмотрим коммуникативный подход М.Фуко к истине и властным коммуникациям. Здесь рациональность и истинность определяется силовыми связями и политическими взаимоотношениями. Истоки данного подхода мыслитель находит у Ф. Ницше, который в своих работах вскрывал властную природу истины. Даже «изобретение» поэзии можно рассмотреть с такой точки зрения. «Однажды кому-то в голову пришла довольно забавная идея использовать определённое количество ритмических и музыкальных свойств языка для того, чтобы говорить, чтобы навязывать то, что он говорит, чтобы учреждать посредством слов некоторое властное взаимодействие с другими людьми. Поэзия была выдумана и изготовлена», - пишет М.Фуко, пересказывая Ницше.[7] Изобретение, изготовление, фабриковка касается многих сфер познания, даже таких, которые кажутся очень далекими от политики и власти: религии, сферы идеалов, поэзии.

Все факторы движения к определению какого-либо знания как истинного, описанные выше (инструментализация, идентичность, экспертное знание интеллектуала) приобретают весьма значимое влияние в условиях ограниченной рациональности (Г.Саймон). Это такая ситуация, когда люди вынуждены принимать решения, имея далеко неполную информацию, а также сталкиваясь с информационной асимметричностью в управленческих взаимодействиях. Властные отношения могут также выступать компенсирующим механизмом в ситуации ограниченной рациональности.

Можно сказать, что М.Фуко вслед за Ф.Ницше создает рационализированный дискурс выведения истины из онтологии иррациональных инстинктов. Он считает, что надо быть похожими не на философов, развивающих логоцентризм, единство с объектом, а на помощь призывать политиков, знающих, что такое ненависть, борьба и власть.

Фуко пересказывает Ницше, который утверждал, что Спиноза для достижения истины призывает освободиться от страстей, он противопоставляет понимание и инстинкты насмешки, презрения и сожаления. Сам Ницше наоборот утверждает эти инстинкты способом познания. Таким образом он дистанцирует познающего от объекта, тем самым ведет субъект познания к разрыву с объектом, его уничтожению, а не к слиянию.

Можно ли отождествить данную познавательную ситуацию, описанную Ницше, с коммуникативными практиками современного политического состояния российского общества? Многое говорит о схожести: тенденция «случайности» в привязке к какой-либо объективности,

преобладание силы над ценностями. Фуко пишет, апеллируя к Ф.Ницше: «Однако познание не может быть выведено аналитически, как естественное производное чего-либо. Его невозможно считать необходимым следствием инстинктов. В реальности познание не составляет часть человеческой природы».[7]

Познание вообще не обладает отношениями родства с познаваемым миром, часто повторяет Ницше. Вот один отрывок из «Весёлой науки», афоризм 109: «Общий характер мира, напротив, извечно хаотичен, не в смысле недостающей необходимости, а в смысле недостающего порядка, членения, формы, красоты, мудрости». [8, с. 582]

В познании отсутствует адекватность объекту, уподобление объекту, а имеют место скорее отношения отстранения и господства; познание лишено какого бы то ни было подобия счастья и любви, в нём присутствуют только ненависть и враждебность; нет воссоединения, но только непрочная структура власти.

Таким образом, области знания формируются на основе силовых взаимосвязей и политических взаимоотношений в обществе.

Фуко говорит об «истории истины», которая обосновывается тем, что сам субъект познания историчен, он создается политическими условиями. «Некоторые типы субъектов познания, некоторые уровни истины, некоторые области знания возникают только благодаря политическим условиям, являющимся почвой для формирования субъекта, сфер знания и взаимодействия с истиной» [7] Эти политические структуры не навязываются субъекту познания извне, что создает проблему подлинного и ложного в познании, политические отношения создают самого субъекта.

Мы видим, что властные стратегии утверждения истины, лежащей в основе принятия решения, в том числе и управленческого, могут быть разнообразными.

Так, Фуко, анализируя древнегреческие методы получения истины, изображенные в драме Софокла «Эдип», показывает, что истина может высказываться в пророческом и предписывающем дискурсе. Мы не можем утверждать, что этот архаичный дискурс не имеет влияния в наши дни. Нынешний дискурс обусловлен другими обстоятельствами, другими авторитетами и «высшими силами», но то, что коммуникации власти имеют влияние в повседневной жизни общества на большие массы людей, это очевидно внимательному наблюдателю. «Власти виднее, она опирается на экспертное мнение, если принято такое решение, значит есть какое-то основание» – примерно так может рассуждать человек, который принудительно вовлечен в исполнение уже принятых решений. Знание и власть оказываются неразрывно связанными, но в данном случае – не в том смысле, который придавал Ф.Бэкон этому единству. У Ф.Бэкона знание ведет к власти, в данном же случае знание невозможно получить без обладания властью. Уточним, что власть в этом контексте сравнения может определяться широко.

Поэтому нужно рассмотреть и другую сторону – способ «добывания истины» субъектом власти. Царь Эдип у Софокла в интерпретации Фуко обладает «самовластным открытым миру видением». Ему никто не может помочь в отыскании решения своей задачи, он опирается на эмпирический способ познания. Эдип осуществляет тиранический способ уединенной власти, им движет жажда править, поэтому познает он все сам. Он не слышит ни пророчества богов, ни свидетельства людей. Его власть становится слепой и готовит ему ловушку.

Анализ коммуникаций власти Фуко показывает, что здесь процесс создания истины не строится на коммуникациях согласования и сотрудничества, как у Хабермаса. Хотя его концепция строится на разделении системного мира, который как раз и определяется как формальный и властный, и жизненного мира, суть которого формировать рациональность взаимопонимания. Ю. Хабермас утверждает дискурсивную этику, предъявляющую требования учета ценностных высказываний участников коммуникации и создания возможностей для всех заявить о своей ценностной позиции.[9]

Фуко же исходит из ситуационной этики, создаваемой историческим контекстом. [9]

Однако оба мыслителя считают анализ властных отношений важнейшей задачей. Но Ю. Хабермас осуществляет выстраивание универсального дискурса, а Фуко создает генеалогию, где вскрывает случайность образования различных дискурсивных формаций, они не имеют единого происхождения, поэтому анализ фактического многообразия историй происхождения приводит к пониманию невозможности отождествления историографического субъекта и его современников. С точки зрения Хабермаса Фуко слишком релятивен, так как он проявляет интерес к отношениям между полами, нациями, классами, культурами. Хабермас против такой конкретики [9]

Тем не менее Фуко считает опасным говорить о рационализации вообще и предлагает анализировать процессы во множестве областей, каждая из которых отсылает нас к определенному фундаментальному опыту [10]

Заключение. Завершая анализ рационально-коммуникативных подходов к истине в социальных практиках принятия решений, можно констатировать, что современный мир создает противоречивые условия для действий субъекта, который вынужден принимать решение на пересечении ценностных и властных коммуникаций, универсальной и контекстной, инструментальной и сущностной рациональностью. В ходе исследования было выявлено, что основными тенденциями изменения дискурса рациональности является противоречие между инструментальной и сущностной рациональностью, ценностными и властными коммуникациями, универсальной и контекстной рациональностью. Эти подходы представлены работами Ю. Хабермаса и его коллегами по Франкфуртской школе, а также исследованиями М.Фуко. Показано, что современное понимание истины носит коммуникативный характер.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. - Т.8. - №3. – 2009 – с.56-57.
2. Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, 805 с.
3. Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 гг. [Текст] / И.А. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010.–294с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. Часть II. Как мы думаем. Глава 11. Идентичность в глобализирующемся мире Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/4993/5006> (дата обращения 6 июня 2022)
5. Хабермас Ю. Первым почутым важным. Что отличает интеллектуала Режим доступа: <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/>. (Дата обращения 6 июня 2022)
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Изд-во «Весь Мир», 2008- 192 с.
7. Фуко М. Истина и правовые установления. М., 2005. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 28.07.2017. Режим доступа <https://gtmarket.ru/library/articles/7375> (Дата обращения 5 апреля 2022)
8. Ницше Ф. Весёлая наука, книга III, § 109. / Перевод с немецкого К. А. Свасьяна. // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. — М., Мысль, 1990. 830 с.
9. Фливибьрг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества// Вопросы философии. – 2002, № 2.- С.137-157.
10. Фурс В. Полемика Хабермаса и Фуко и идея социальной критической теории https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm

Авторская справка

НИГОМАТУЛЛИНА Резида Масхутовна, кандидат философских наук, доцент, КФУ, Казань, Россия.

E-mail: nigomati@mail.ru

ИБРАГИМОВА Зульфия Зайтуновна, кандидат философских наук, доцент, КФУ, Казань, Россия.

E-mail: yuldyz@rambler.ru

ЕСЕНГАЛИЕВА Венера Аубекеровна, кандидат философских наук, доцент, ЗКАТУ им. Жангир хана, Уральск, Казахстан.

E-mail: eva0566@inbox.ru

UDC 1.16. 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.3.

RATIONALISTIC FOUNDATIONS OF TRUTH IN SOCIAL DECISION-MAKING PRACTICES

R.M. Nigmatullina¹, Z.Z. Ibragimova¹, V.A. Yesengaliyeva²

¹*Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan (Russia)*

²*West Kazakhstan Agrarian and Technical University named after Zhangir Khan, Uralsk (Kazakhstan)*

Introduction. In the modern world of mass communications and complex social interactions, the question of the reasons for making decisions is acute for each person. What is to be accepted as the truth that should be guided in this process? Obviously, the concept of truth is connected with the theoretical and practical interpretation of rationalism and rationality.

Methods. The article uses a historical and philosophical approach, which allows us to analyze the development of the problem of the connection between truth and rationality in the works of representatives of the Frankfurt School, as well as F. Nietzsche and M. Foucault. In addition, to identify the features of the modern decision-making process, a communicative approach was applied, which is a conceptual resource that allows you to combine two levels of determining the truth as a decision-making condition: the ontological level of interaction between a person and society and the communicative level of knowledge production.

Results. The purpose of this article is to substantiate the thesis about the plurality of concepts of rationality and to reveal the fact that each redefinition of rationality in a particular decision-making practice results in a new search for the place of truth in these processes. The article defines the differences in instrumental and essential, universal and contextual rationality, shows the contradiction between power and value rationality.

Conclusion. The study revealed that the main trends in the change in the discourse of rationality are the contradiction between instrumental and essential rationality, value and power communications, universal and contextual rationality. These approaches are represented by the works of J. Habermas and his colleagues in the Frankfurt School and the studies of M. Foucault. It is shown that the modern understanding of truth is communicative in nature.

Keywords: Rationalism, rationality, truth, decision making, J. Habermas, M. Foucault, M. Weber.

References

1. Habermas Ju. Teorija racionalizacii Maksa Vebera [Max Weber's Rationalization Theory] // Sociologicheskoe obozrenie. - T.8. - №3. - 2009 – s.56-57.
2. Veber M. Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary remarks]// Veber M. Izbrannye proizvedenija. Moscow.: Progress, 1990, 805 s.
3. Mihajlov I.A. Maks Horkhajmer. Stanovlenie Frankfurtskoj shkoly social'nyh issledovanij. [Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School of Social Research.] – Moscow: IF RAN, 2010.–294s.
4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. [Individualized society] Chast' II. Kak my думаем.[How do we think] Glava 11. Identichnost' v globalizirujushhemsja mire [Identity in a globalizing world] URL: available at <https://gtmarket.ru/library/basis/4993/5006> (accessed 6 June 2022)
5. Habermas Ju. Pervym pochujat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala [Be the first to feel important. What distinguishes an intellectual] available at <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (accessed 6 June 2022)
6. Habermas Ju. Raskolotyj Zapad [Split West]. Moscow: Izd-vo «Ves' Mir», 2008- 192 s.
7. Fuko M. Istina i pravovye ustanovlenija.[Truth and Legal Establishments] Moscow, 2005. // Jelekronnaja publikacija: Centr gumanitarnyh tehnologij. — 28.07.2017. available at <https://gtmarket.ru/library/articles/7375> (accessed 5 April 2022)
8. Nicshe F. Vesjolaja nauka [Fun Science] kniga III, § 109. // Nicshe F. Soch.: V 2 t. T. I. — Moscow, Mysl', 1990. 830 p.
9. Flivb'erg B. Habermas i Fuko: mysliteli dlja grazhdanskogo obshhestva [Habermas and Foucault: thinkers for civil society]// Voprosy filosofii. – 2002, № 2.- S.137-157.
10. Furs V. Polemika Habermasa i Fuko i ideja social'noj kriticheskoj teorii[The controversy between Habermas and Foucault and the idea of social critical theory] available at https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/08.htm (accessed 5 April 2022)

Author's Bio

NIGOMATULLINA Rezida Maskhutovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, KFU, Kazan, Russia

E-mail: nigomati@mail.ru

IBRAGIMOVA Zulfiya Zaytunovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, KFU, Kazan, Russia

E-mail: yuldyz@rambler.ru el. 89178649740

ESENGALIEVA Venera Aubekeroovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, WKATU named after Zhangir Khan, Uralsk, Kazakhstan

E-mail: eva0566@inbox.ru

Библиографическая ссылка

Нигоматуллина Р. М., Ибрагимова З. З., Есенгалиева В. А. Рационалистические основания истины в социальных практиках принятия решений // SocioTime / Социальное время. 2022. № 3 (31).